

I ЧАСТЬ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

1

ПЛЕННИЦА ПОБЕРЕЖЬЯ

Вернусь домой, приду в себя,
И там, у жаркого огня,
Я расскажу тебе о том,
Как всю дорогу видел дом —
И только дом во снах своих...

Путевая песня срединников

Я обмакнула руки в жидкую вулканическую грязь. Потом провела пальцами по лицу: от носа к вискам. Заглянула в мутную лужицу, блестящую между черных камней.

Отражение мне понравилось: в меру безумное, в меру воинственное — то, что надо для пленницы побережья.

— Их-ха! — завопила я и галопом бросилась вперед — туда, где ровными рядами темнели сосны.

Прочь, прочь от штормового моря!

Бежала я, впрочем, недолго. В воздухе разнесся низкий вибрирующий «оммм» — будто кто-то невидимый ударил в гонг, — и меня, как тряпичную куклу, отшвырнуло обратно.

Пару мгновений я лежала на песке, охуиваясь.

Затем со вздохом села и обратилась к рыбаку, который был свидетелем моего позора:

— Видишь? Не пускает!

— Вижу. — Рыбак ошарашенно моргнул.

Совсем молоденький парень, он был бледный и какой-то серокожий, как и все из народа шэрхен.

— Так ты правда уже дюжину дней на пляже?..

— Ага. — Я угрюмо пошевелила пальцами на перепачканных ступнях.

Такую грязь не сымитируешь! Дырки на плаще-летье, слегка потухший взгляд и мочалка на голове — привет соленой морской воде — тоже были симптоматичны.

Рыбак неуверенно переминался с ноги на ногу. Синий чубчик челки покачивался у него надо лбом.

— А я даже не знал, что эта система охраны до сих пор работает... — пробормотал он смущенно.

— Теперь знаешь. — Я нетерпеливо трянула головой. — Ну что, сможешь мне? Пожалуйста?

— Да. — Юноша кивнул и вытащил из-за ворота тельняшки монету на кожаном шнурке.

Он прижал ее ко лбу и, возведя глаза к небу, начал заунывно нашептывать заклинание приветствия. Получалось плохо: он постоянно спотыкался на полуслове, вспыхивал стыдливо-красным румянцем и... начинал сначала. О-о-о... Ну это надолго.

Чтобы не мешать ему, я отошла и стала пускать камешки по воде. Глупая затея в шторм: серые и гладкие в свете подслеповатого островного солнца, они не могли противиться волнам и сразу же проваливались на глубину.

Чую, за эти дни я нехило повысила уровень моря своими подачками. Надеюсь, это не приведет к глобальному затоплению всей Шэрхенмисты. Мне бы не хотелось, чтобы к пестрому перечню моих достижений добавилось что-то вроде «зачинщицы потопа». И так разномастных званий хватает!

8

Посудите сами: государственная изменница, беглая Ловчая, путешественница по Междумирью, гроза падших хранителей, жуткая барахольщица и самая мечтательная из всех дурынд на свете...

Да-да, это все я — Тина́ви из Дома Страждущих.

Запутались? А я с этим живу. Причем последние две недели — живу в гордом одиночестве, в полной изоляции, попав в береговую ловушку народа шэрхен.

Помню, в годы учебы магистр Орлин целый семестр читал нам с Кадией и Дахху — моими лучшими друзьями — лекции про Шэрхенмисту.

Наставник воодушевленно рассказывал про эту загадочную страну молчаливых шэрхен, которые испокон веку придерживаются политики невмешательства и набиты секретами, как манускрипт Вонойчи. Но это был первый курс нашего обучения, а значит, мы были ленивыми и жизнерадостными олухами, склонными скорее считать ворон за окном, нежели слушать старого мастера.

Поэтому, когда меня выбросило сюда после одной невероятной стычки с иномирным чудовищем, я далеко не сразу вспомнила, что у шэрхен есть охранная береговая система, направленная против незваных гостей.

Ты не можешь просто взять и приехать в Шэрхенмисту. Кто-то должен искренне ждать тебя здесь или хотя бы номинально прочитать заклинание приветствия, чтобы «авторизировать».

К несчастью, я оказалась на пустынном и далеком от цивилизации побережье, где некого попросить о помощи. Так что я влипла по полной, совсем как муха в янтаре.

Сколько я ни шла в глубь острова, к видневшимся вдали силуэтам сосен, они не приближались ни на йоту. Да и море никуда не девалось. Ехидно перекачивало свинцовые волны позади, как приклеенное. Влево-вправо путь тоже был закрыт. А если я усердствовала в побеге, то невидимая пружинистая преграда отбрасывала меня назад. Эдакий бесплатный вертикальный батут для отчаянных.

За две недели местный пейзаж стал для меня до отвращения знакомой декорацией.

Я научилась удерживать равновесие на скользких валунах, карабкающихся за горизонт. Я ловко перепрыгивала через илестые лужицы с моллюсками. Я выяснила, что на пористые каменные губки лучше не наступать — они только кажутся надежными, а на деле крошатся, как безе.

И, конечно, заметка для вашей поваренной книги: ягоды оранжевики выглядят куда лучше, чем креветки, но на деле — та еще дрянь!

Я свыклась с пляжем так сильно, что уже боялась, что никогда не смогу его покинуть.

Никогда не вернусь домой, к друзьям, которые понятия не имеют, где меня носит. Не узнаю, куда потрепанное битвой Междумирье выкинуло принца Лиссяя. Не увижу гордую скульптуру Поляни, моего куратора, которому должны были присудить высокое звание Генерала Улова... Но стоило мне полностью утонуть в отчаянии, как ситуация кардинально поменялась. Сегодня утром на меня наткнулся рыбак.

Он шел по пляжу, насвистывая и размахивая жестяным ведром: на этом удаленном побережье водятся какие-то очень редкие деликатесные рачки. Рыбак уже представлял, как станет героем-добытчиком в своей деревне. Но вместо рачков юнец обнаружил меня: банально споткнулся о мою ногу, высунутую из пещеры, где я досыпала дневной сон (он же переходил в вечерний, в ночной и в утренний попеременно).

Когда я выползла из укрытия, ужасу рыбака не было предела: выглядела я паршиво. Но я быстро взяла ситуацию под контроль: начала трещать без умолку, перемежая сказ о своем пленении байками из прошлой жизни и щедрыми комплиментами (ах, как удачно он здесь оказался, ах, какие чудесные перчатки для ловли раков, ах, как мило с его стороны спасти прекрасную — почти что — даму в беде...).

10

Юноша так обалдел от моего напора, что согласился помочь. Вот только попросил на собственном примере показать, как выглядит «защита от чужаков» — мол, друзьям расскажет, обзавидуются. Ну мне не жалко! Сталкиваться с препятствием страшно только первые раз двадцать. Потом это больше похоже на спорт, чем на неудачу.

— Готово! — воскликнул рыбак, выдергивая меня из раздумий. Монетка у него на шнурке засветилась золотым, а потом медленно, с достоинством угасла.

В остальном ничего не поменялось: все тот же вулканический пляж, все та же курносая физиономия незнакомца. Бестелесные духи острова не спешат петь мне приветственные гимны, в душе не разливается жар вседозволенности.

— Думаешь, не получилось? — заволновался юноша, усмотрев тень сомнения на моем лице.

— Сейчас узнаем!

Я хрустнула пальцами, покрутила головой, как на разминке, и, глубоко вздохнув, снова побежала.

Песок взрывался фонтанчиками под моими пятками. Рачки, спрятавшиеся было от рыбака, заинтересованно повылезали из-за валунов. Плотные тучи на небе опустились еще ниже — любопытно им, видишь ли.

Десять метров от берега, пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Я зажмурилась, и... Ничего! Никакого сопротивления!

Выдохнув, я открыла глаза, обернулась.

— Спасибо! — крикнула я, рупором приложив ладони ко рту.

Но рыбак уже не слушал: натянув защитные перчатки, он воодушевленно скакал меж валунов с ведром наперевес...

Я побежала дальше. Черные сосны острова Рэй-Шнарр уважительно расступались передо мной.

* * *

Дорога до ближайшего города оказалась долгой, но все-таки не бесконечной.

Новый день был в разгаре, когда я стояла посреди шумного проспекта, запруженного экипажами. Слева и справа мчались кэбы и всадники. Я шаррахнулась в сторону, когда меня чуть не задавил какой-то ретивый кентавр, и в три прыжка оказалась на безопасном тротуаре. Недовольные крики возниц ударили мне в спину, и, хотя я знала язык шэрхен, мне не удалось разобрать все тонкости озвученных ругательств.

А жаль: судя по слову «д`гайла» — «вилка для выковыривания улиток», — там было что-то нетривиальное!

Откуда я знаю слово «д`гайла» на шэрхенлинге — это уже другой вопрос. С ним, пожалуйста, к Дахху и его увлечению высокой кухней.

Как и дорога, тротуар был выложен из плотно подогнанных друг к другу темных досок, но слегка приподнят над землей. По бокам от проспекта спиралями устремлялись в небо иссиня-черные шпили. Эдакий антипод нашей белоснежной Башни Магов, хотя форма та же — как у морской раковины. Материал зданий напомнил мне пемзу с побережья — та же губчатая структура, те же мягкие формы.

Деревьев вокруг было мало. Хотя, признаем, в любом городе мало деревьев по сравнению с Шолохом. Виднелись только частоколы сосен. Их голые стволы торчали такими одинокими палками, что у меня, уроженки Лесного королевства, слезы наворачивались на глаза. Зато меж домов щедрыми горстями были разбросаны скалы. Острые, будто зубья акулы, они поблескивали на солнце.

— Хей! — окликнула я проходившую мимо парочку студентов. — А как называется этот город?

Они даже не удивились. Большинство шэрхен — воплощенное спокойствие. Или высокомерие, как посмотреть.

— Пик Волн, — ответили студенты.

Ну здравствуй, Пик Волн.

12 Значит, я в одной из двух шэрхеновских столиц, приморской. Хорошо, что не в Пике Грез — этот находится в скалистом центре острова, и, если бы меня каким-то боком увело туда с побережья, я бы точно не нашла себе корабль домой.

Я плотнее запахла в летягу — по проспекту гулял свежий морской ветер — и быстрым шагом двинула вперед.

Куда идти — я не знала.

Но иногда нужно просто идти, и знание приложится.

Чудные ароматы из первого же трактира заставили меня захлебнуться слюнями.

Но вместо того чтобы удовлетворить настойчивое урчание желудка, я стиснула зубы и вильнула вбок — на тенистую сосновую аллею, где острый запах свежей смолы и торфа привел меня в чувство.

Надо было срочно разобраться с отсутствием денег. Платежеспособность — главное качество кандидата в едоки. А я грезилась этой ролью.

После некоторых раздумий я пошла в посольский квартал. К счастью, местные не гнушались указать направление незнакомке, пропахшей солью и водорослями.

Стройное здание шолоховского посольства напомнило мне Иноземное ведомство в миниатюре: резной фронтон, острые шпили, розетки окон, прицельно собирающие свет. Тяжелые бархатные полотна с вышитыми на них гербами качались под крышей. К крыльцу вели семнадцать ступеней — символическое напоминание о семнадцати знатных Домах Шолоха.

Сердце мое сладко екнуло: я почти на родине! Однако, собравшись шагнуть на первую ступеньку, я оробела...

Вдруг для Лесного королевства я все еще преступница?

Ведь как было дело: когда нас с куратором обвинили в измене и бросили в тюрьму, я смогла сбежать. А Польша остался в темнице. Но ненадолго: хранитель Карланон отменил казнь моего коллеги. По идее, Польша уже должен быть свободен.

А вот амнистию для себя я не попросила.

Мне бы хотелось надуться павлином и заявить, что причина заключается в моей колоссальной самоотверженности, но... Боюсь, я просто забыла.

Конечно, был шанс, что Карл без подсказки попросил для меня помилование, так сказать, сделал это «по умолчанию». Но и вероятность обратного была высока. Хранитель тоже мог забыть. Или завредничать (он называл это «борьбой с читерством»).

Я долго топталась на месте, гадая: в розыске я или нет? Выяснить это здесь, в Шэрхенмисте, не представлялось возможным. Разве что зайти внутрь, назвать свое имя, попросить о помощи... И при плохом раскладе оказаться в кандалах. Опять. А это не тот опыт, который мне хочется повторить.

Посольские стражи подозрительно хмурились, поочередно указывая на меня глазами: мол, что делать с ней будем, дружище? А что с ней поделаешь — пока на ступени не шагнула — ни в чем не виновата. За любопытство денег не берут.

Наконец я отвернулась и со вздохом побрела прочь. «Осторожность превыше всего», — годами твердил нам магистр Орлин. И сегодня я последую его завету.

— Так, ладно. — Я задрала подбородок и уперла руки в боки по «бодрящему» рецепту Кадии. — Ищем альтернативу.

Проходивший мимо шэрхен с собачкой покосился на меня. Ох, точно. С «пляжной» привычкой размышлять вслух, чтобы не свихнуться, надо завязывать.

— Вы не подскажете, где здесь ближайший ломбард? — спросила я.

— Там. — Собачник махнул рукой в сторону башни в конце песчаной аллеи.

Согласно табличке у входа, ломбард тут действительно был. На шестом этаже. Шесть десятков ступеней, что к нему вели, я посвятила волшебной науке Вытаскивания Себя из Депрессии. На каждой ступени я придумывала по одной причине для благодарности. «Я в стране, где мои предки жили четыре века, ура!», «Я все еще жива, ура!», «Я уже гораздо ближе к Шолоху, чем вчера, ура!», «И к шестому этажу тоже ближе, чтоб вас, праховы небо-скребы... В смысле, ура!». Под конец с причинами было туго, но я кое-как справилась. Ввалилась с жизнерадостной улыбкой, натянутой всего-то на семьдесят процентов.

Но даже напускное благодушие все равно расположило ко мне горбатого ростовщика.

Он с ходу предложил выкупить плащ-летягу (ему очень приглянулся плотный лазурный шелк, пусть и драный местами), но я отказалась. Вот еще! Летяга сейчас — мой единственный друг.

Зато я вытащила значок Ловчей — и со звоном плюхнула его на стойку.

Бронзовая бляшка размером в полладони приятно тыкалась мне в ребра последние трое суток. Это был единственный предмет, помимо фонарика Карла, который шолоховские тюремщики не нашли во время обыска в темнице. Но фонарик забрал Карланон, а вот значок невольно отправился путешествовать вместе со мной.

Он провалился в подкладку сквозь дырку в кармане, и я нашла его, только когда решила постирать плащ в соленой морской воде. Это, кстати, была плохая идея: летяга до сих пор стоит на мне колом, как неродная.

Ростовщик увидел удостоверение Ловчей и округлил глаза:

— Вы точно хотите это продать?

— Да, — твердо сказала я, хотя пальцы дрогнули, инстинктивно сжимаясь вокруг значка.

Профиль ястреба на эмблеме смотрел на меня с укором. «Эх, — будто говорил этот гордый хищник, символ нашего департамента, — предательница».

Ростовщик замялся. Потом тактично объяснил:

— Ничем не могу помочь, леди. Это незаконно.

— Хорошо. Черный рынок у вас есть?

Оценщик аж подавился.

— Вот у нас в Шолохе есть, — доверительно сообщила я. — Рокочущие ряды называется. Еще есть Потаенный рынок, но это так, несерьезно. Для туристов в основном, чтобы пищали от радости, «чувствуя опасность».

Подслеповатый ростовщик сторбился еще сильнее и понизил голос:

— Я прошу прощения, но у нас не принято обсуждать такие темы вслух...

— Могу написать на бумажке. — Я развела руками. — Я ведь не от хорошей жизни значок продавать собралась.

